

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета о диссертации

Хефни Халфаллы Абдельхафиза Хафиза

на тему: «**Зооморфизмы как эмотивные эталоны в современной русской лингвокультуре (на фоне арабской лингвокультуры)**», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Исследовательская литература о русской зоонимии более чем многочисленна, и это вполне объяснимо: наименования животных – богатый материал для изучения насущных вопросов процесса номинации вообще и вторичной, в том числе образно-символической, номинации в частности.

Как известно, ядро этого лексикона в русском языке составляют слова, выступающие историческим свидетельством славянской и даже индоевропейской языковой общности, что добавляет им ценности в сравнительных исследованиях, нацеленных на выявление национально-маркированного компонента лексического значения, неизбежно возникающего в ходе «отделения одного наречия от другого», прежде родственного¹. Этим во многом объясняется и лингвокультурологический интерес к номинациям животных, причем современная лингвокультурология характеризуется большим количеством исследовательских работ, посвященных сравнительному изучению этого класса слов в отнюдь неродственных языках (преимущественно – русском и китайском, русском и турецком)².

Исследователи-лингвокультурологи справедливо полагают, что изучение семантики, функционирования, культурного значения этого древнейшего класса слов русского языка в сопоставлении или (даже) на фоне другого языка имеет несомненную пользу, причем очевидно двоякую: с одной стороны, сугубо научную, с другой, – прагматическую, поскольку вскрывает многослойный культурный компонент наименования животного, особенно при номинации им человека, – механизм универсальный, представленный во всех языках, исторически имеющий безусловно неоднозначную онтологию.

¹ Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М., 1959. С. 26.

² См., например: Ян И Лин. Сопоставительный анализ русских и китайских фразеологизмов с зоонимами. Тайбэй, 2003; Хао Цзяньчжуан, Кошелева Е.Ю. Фразеологизмы китайского и русского языков, содержащих зоонимы: сопоставительный анализ // Молодой ученый. 2015. № 11(91); Ван Дэндэн, Ли Сыной Сравнительный анализ зоонимосодержащих фразеологизмов на материале китайского и русского языков // ФН. 2021. №1; Конищева А.В., Го Чанцзе. Этнокультурное своеобразие зооморфизмов в пословицах китайского и русского языков. Минск, 2022; Ли Имо Лексико-семантические особенности русских зоосемизмов (на фоне китайского языка). М., МГУ, 2022; Устуньер Ильяс. Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004 и мн. др.

Сказанное определяет, на мой взгляд, **актуальность** представленной к защите диссертационной работы Хефни Халфаллы Абдельхафиза Хафиза, а именно – прочную её встроенность в благое дело, нацеленное на повышение эффективности межкультурной коммуникации, но прежде всего – на изучение культурной семантики семи номинаций животных как типичных презентаторов древнейшего класса слов русского языка.

Следует заметить, что выбранный в качестве фонового языкового материала – зооморфный лексикон арабского языка – известная редкость в современной исследовательской литературе на эту тему, поэтому **новизна диссертационного исследования** также не вызывает сомнения: привлеченный к исследованию языковой материал обеспечивает ее в полной мере. (Я обнаружила лишь одного автора, работающего с арабскими зооморфизмами в сравнении с русскими – Салима Ахмеда Ибрагима³). Однако **новизна** рецензируемой работы обусловлена и самой постановкой проблемы, в том числе нашедшей отражение в формулировке её темы, которая представляется мне очень удачной и во многих отношениях оригинальной. Зооморфизмы как эталонные эмотивы в современном речевом обиходе, – на мой взгляд, весьма перспективный прицел рассмотрения этих частотных в русской повседневной речи слов, нагруженных как традиционной, так и порой наносной (заимствованной) оценочной семантикой.

Возможно, сам того не осознавая, наш диссертант затронул очень чувствительную (в смысле дискуссионности и трудноразрешимости) тему современной лингвоэкспертологии, решающей вопрос об инвективном потенциале зоонимов-названий человека. Поэтому к **практической значимости** работы, указанной на с. 8, можно смело добавить её вклад в обсуждение этой сложной многоаспектной проблемы, имеющей очевидный практический выход.

При всей несомненной содержательности диссертационного исследования на столь многотрудную и – одновременно – увлекательно-интересную тему, хотелось бы высказать несколько рекомендаций, реплик, вопросов, кажущихся мне вполне уместными в свете тех безусловных достоинств работы, о которых шла речь выше.

О природе ряда древнейших зооморфизмов как оценочных наименований человека. На с. 24–27, рассуждая о многочисленных терминах, имеющих в научной литературе на этот счет (*зооморфизм, зоосемизм зоометафора* и др.), автор очевидно склоняется к наиболее распространенному

---

³ Салим Ахмед Ибрагим. Зооморфные образы в русских и арабских поговорках / Ахмед Ибрагим Салим. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2018. № 11 (197). С. 281–284.

мнению о метафорическом типе переноса значения, присутствующем в зооморфизме как типе номинации. Конечно, с точки зрения современного наблюдателя, в наименовании человека, например, *быком* или *зайцем* видится семантический перенос по признаку сходства, порождающий стереотипное название грубого человека быком, трусливого, соответственно, – зайцем и т.д. Однако появление зоонимов-номинаций человека в архаичную эпоху, откуда они все родом, первоначально было продиктовано иными когнитивными механизмами. И коль скоро Хефни Халфалла Абдельхафиз Хафиз стремится рассматривать зооморфизмы (в том числе) в ментальном, когнитивном аспекте (с. 6, 19, 41, 49 и т.д.), можно было бы привлечь к рассуждениям на сей счет работы замечательных ученых XIX в. (например, А.Н. Афанасьева, Ф.И. Буслаева и др.⁴), ряда современных филологов и этнолингвистов⁵, работы которых свидетельствуют о том, что в древнейшую эпоху не метафора, а законы подобия царили в познавательных операциях язычествующего человека, что и создавало условия для номинации человека, животного, растения одними именами. Не нарушая целостного представления о мире, человек создавал имена как табуированные знаки, произнесение которых равно оберегало и характеризовало как его самого, так и явления природы. Неслучайно, по свидетельству знаменитого «Ономастикона» С.Б. Веселовского⁶, в русском именослове еще XIX в. сохранялись, например, старые мужские имена Заяц, Волк, Медведь и др., а известная статья акад. А.И. Соболевского «Нехристианские имена славян»⁷ во многом раскрывает взаимосвязь между именем животного и человека, продиктованную древнейшими представлениями о подобии всего живого. Метафора – довольно поздний троп, часто не объясняющий, а приписывающий те или иные качества животному или человеку в желании найти сходство, скажем, в поведении или внешних признаках того и другого. При этом соискатель совершенно прав в том, что оценочный компонент ЛЗ этих слов при наименовании человека с годами и веками только сгущался, и сегодня, конечно, и *бык*, и *собака*, и *свинья* в отношении человека – больше оценочные характеристики, чем цельные номинации (с. 52).

Ученые-филологи XIX века тем более заслуживают упоминания, что в работе встречаются не совсем корректные суждения, например, о том, что А.И. Молотков и А.Г. Балакай, выявляя связь между зооморфизмом и

⁴ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М., 1994; Буслаев Ф.И. О народной поэзии в древнерусской литературе. М., 1859; Сумцов Н.Ф. Заяц в народной словесности // ЭО. 1910. №1 и др.

⁵ Например: Усачева В.В. Мифологические представления славян о происхождении растений // Славянский и балканский фольклор. М., 2000. С. 259–302.

⁶ Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974.

⁷ Соболевский А.И. Нехристианские имена славян // Живая старина. 1890. Вып. 1.

фразеологизмом, чуть ли не первыми выразили мнение, что «в давние времена существовало поверье, [согласно которому] каждое племя происходит от какого-то животного» и т.д. (с. 30). Конечно, это распространенное и общеизвестное положение было высказано задолго до указанных уважаемых исследователей.

Замечательно, что к исследованию привлечены работы известного сегодня этнолингвиста А.В. Гуры но, думается, что для выявления культурной семантики, в том числе национально-окрашенных коннотаций при восприятии рассматриваемых зооморфизмов современными носителями русского языка, были бы полезны данные словаря «Славянские древности» под ред. Н.И. Толстого, а также интереснейшие работы Т.Н. Бунчук⁸ о культурных концептах *собака, кошка, мышь* в русском традиционном сознании и современном бытовании.

О составе зооморфизмов и их вариантах в структуре функционально-семантического поля «оценка человека». На с. 76, при рассмотрении культурной семантики зооморфизма «лошадь», диссертант для сравнения говорит и о значении слова «конь», справедливо замечая существенную разницу между оценочными образами, которые стоят за каждым из этих слов при наименовании человека. Далее по тексту диссертации встречаются лексемы, не входящие в рассматриваемую семерку зооморфизмов, – «телец», «вол», «боров», «сука» и нек. др. Возникает вопрос – как отбирался ряд сопоставимых по разным признакам зооморфизмов, называющих один класс животных, например: *лошадь, конь, жеребец, кобыла* или *свинья, боров, поросенок* и под. Каждая из этих номинаций очевидно применима к наименованию человека, причем в оценочном ключе, интересующем диссертанта. Тот же вопрос касается словообразовательных дериватов от основных лексем и их словоформ. Так, форма множ. ч. в выражении «метать бисер перед **свиньями**» или «к **свиньям** собачьим» – не имеет ли отличия в оценочной семантике в сравнении с формой ед. числа? – Кажется, имеет, и весьма значительные.

О синтагматическом проявлении культурной семантики рассматриваемых семи зооморфизмов. Мне показалось чрезвычайно перспективным и многообещающим суждение автора диссертации о том, что «эмотивный код зооморфизмов особенно заметен при использовании зоонимов в определенных синтаксических конструкциях (сравнительных, разделительных и противопоставленных)» (с. 44). На сс. 92–98 преимущественно на материале ФЕ и паремий некоторые из указанных синтаксических позиций рассмотрены.

⁸ Бунчук Т.Н. Концептуальный анализ текстов традиционной культуры: дисс. канд. филол. наук. СПб., 2003; Человек и животное в культурном пространстве Усть-Цельмы // Изв. Коми Научного центра. 2013. №2 и др.

Однако многие из них фиксируют устойчивые, зачастую – уже вторично мотивированные семантические проявления. Например, в исходно сравнительной структуре фразеологизма «как кошка с собакой» – сравнительная семантика значительно ослаблена, поговорка воспринимается целостно и имеет общее значение «находиться в постоянной вражде, ссоре» [Молотков 1987: 210]. Было бы чрезвычайно интересно рассмотреть эти позиции на примерах современных текстов, в том числе СМИ. Думаю, и *козел*, и *лиса* (да и другие именованья) в различных синтаксических позициях в текстах различной стилистической принадлежности могут демонстрировать довольно широкий спектр семантических вариаций.

О стиле и языке диссертации. В целом работа написана хорошим, грамотным научным стилем, однако встречаются и некоторые речевые неловкости. Так, на с. 63 удивляет пятикратный (почти дословный) повтор одного тезиса о том, что «арабский язык ориентирован на прошлое», а на с. 89 – риторический призыв: «Давайте представим сравнительную характеристику с еще более широкими уточняющими контекстуальными подсказками». Есть и другие отдельные стилистические шероховатости, которые неизбежны и более чем извинительны в работах, написанных носителями языка. Но все же 2 авторских суждения, как кажется, требуют некоторых разъяснений. Первое – на с. 139: «Никому из русских языковедов в XIX и даже в XX веке и в голову не могло прийти, что *корова* станет воплощением доброго, веселого и дружелюбного человека в восприятии современных россиян». Немного непонятно, чем обусловлено столь категоричное в своем отрицании утверждение. Самый первичный поиск в НКРЯ показал, что это не совсем так. И второе – на с. 133: «Язык создается людьми с заземленным опытом». Возможно, в данном случае имела место неудачная формулировка исходного положения.

Сказанное не мешает мне сделать основного и твердого вывода о том, что работа безусловно состоялась. Она производит впечатление цельного, продуманного, логично выстроенного научного сочинения начинающего исследователя. Изучена значительная литература, проработан материал не одного десятка словарей, справочных изданий, собраний поговорок и ФЕ. С большим интересом читаются разделы, посвященные фоновым наблюдениям над семантикой и культурной прагматикой арабских зооморфизмов. Любопытный материал представлен в заключительной главе, в которой описан и проанализирован ассоциативный языковой эксперимент, дающий много поводов для размышлений по поводу содержательной эволюции онтологически различных зооморфизмов русского языка – книжных, фольклорных, мифологически мотивированных и совсем современных – такова, например,

«собака» в современном молодежном жаргоне как визуальная ассоциация со значком электронной почты.

Автор диссертации имеет должную и весьма представительную апробацию основных положений своего исследования.

Таким образом, диссертация **Хефни Халфаллы Абдельхафиза Хафиза** на тему: «**Зооморфизмы как эмотивные эталоны в современной русской лингвокультуре (на фоне арабской лингвокультуры)**», соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а соискатель **Хефни Халфалла Абдельхафиз Хафиз** заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не обнаружены.

Член диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка СПбГУ

Т.С. Садова

17 апреля 2023 г.